

Н. В. Лайшен

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТРАНСФОРМАЦІЯ АНТИЧНОГО МИФА В РОМАНЕ УЛИЦЬКОЇ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Розглянуто особливості трансформації античного міфу в романі Л. Улицької «Медея і її діти».

Проза Л. Улицької, як цілісна художня система, сходить до історичних, філософських, літературних, міфологічних, біблійних витоків.

Л. Улицька у своєму романі «Медея і її діти», узявши за основу класичний міф про підступну, жорстоку, злу міфічну Медею, будує свій «новий міф», тим самим створюючи анти-міф, дзеркальне відображення античного міфу. Її Медея бездітна, але саме вона виявляється хранителькою роду. Особливу роль у формуванні міфу про Медею відіграють біблійні алюзії, що дозволяють співвіднести Медею з Христом. Головним місцем з'єднання сакрального і профанного топосів стає будинок Медеї. Він ритуальний будинок і «пуп землі», для Л. Улицької – Храм Господень – релігійний і культурний центр світу.

Ключові слова: духовність, міф, простір, час, Медея, релігія, Христос, Л. Улицька, храм, світове дерево, сакральне, профанне.

Рассмотрены особенности трансформации античного мифа в романе Л. Улицькой «Медея и ее дети».

Проза Л. Улицькой, как целостная художественная система, восходит к историческим, философским, литературным, мифологическим, библейским истокам.

Л. Улицькая в своём романе «Медея и её дети», взяв за основу классический миф о коварной, жестокой, злой мифической Медее, строит свой «новый миф», тем самым создавая анти-миф, зеркальное отражение античного мифа. Медея Л. Улицькой бездетна, но именно она оказывается хранительницей рода. Особую роль в формировании мифа о Медее играют библейские аллюзии, позволяющие соотносить Медею с Христом. Главным местом соединения сакрального и профанного топосов становится дом Медеи. Это ритуальный дом, «пуп земли», для Л. Улицькой оказывается земным воплощением Храма Господня на земле.

Ключевые слова: духовность, миф, пространство, время, Медея, религия, Христос, Л. Улицькая, храм, мировое древо, сакральное, профанное.

The peculiarities of the ancient myth transformation in the novel of Luydmila Ulitskaya "Medea and Her Children" are examined.

The L. Ulitskaya's prose as a complete fictional system goes back to the historical, philosophical, literary, mythological and biblical origins.

L. Ulitskaya took as a base for her novel "Medea and Her Children" the classical myth of the treacherous, cruel and evil mythical Medea, but in her novel she's depicted a "new myth", thus creating an anti-myth, a mirror image of the ancient myth. Medea created by Ulitskaya doesn't have children, but she is domestic goddess. Special role in the formation of Medea myth is played by biblical allusions, allowing to compare Medea with Christ. The main linking place of the sacred and profane topos becomes Medea's house. It is the ritual house and the "navel of the earth", for the author L. Ulitskaia – the House of God - a religious and cultural center of the world.

Ulitskaya's Medea is a "literary Bible." To understand the signs which are skillfully connected in space-time continuum, "to walk" through times like a time arrow from the past through the present and into the future, which is focused on infinity, cut the space – that's an idea. Make a spiritual journey from the median space to the top with the help of the "world tree", which is Medea indirectly.

Keywords: spirituality, myth, space, time, Medea, religion, Christ, L. Ulitskaya, temple, the world tree, sacred, profane.

В поле зрения литературных критиков творчество Л. Улицкой попало в 1990-е годы. Именно тогда произведения писательницы стали предметом активного обсуждения в критических статьях, а также в различных интернет-форумах. Среди значимых работ, посвященных роману «Медея и ее дети», можно выделить такие: С. Тимина «Ритмы вечности. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети», Т. Ровенская «Опыт нового женского мифотворчества: «Медея и ее дети» Л. Улицкой и «Маленькая Грозная» Л. Петрушевской», Т. Прохорова «Особенности проявления мифологического сознания в художественной структуре романа Л. Улицкой «Медея и ее дети», С. Перевалова «Миф и реальность в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети». Н. Лейдерман и М. Липовецкий анализируют смысл заглавий романов Л. Улицкой. Критические публикации по поводу места Л. Улицкой в современной литературе (Г. Л. Нефагина, О. Рыжова, Л. Пирогов) и др.

В 1996 году в «Новом мире» был опубликован роман Л. Улицкой «Медея и ее дети», который вывел ее в число финалистов Букеровской премии 1997 года.

В своём романе «Медея и её дети» Л. Улицкая трансформирует, наполняет новым смыслом классический миф о Медее. Взяв за основу античную и средневековую «мифологические системы», Л. Улицкая «не сохраняет верность тому, что М. Элиаде называет «общими мифологическими местами». Напротив, она разрушает его образную и символическую структуру и творит на его месте новый миф и новую реальность. Л. Улицкая по-своему трактует образ злой, коварной, мстительной мифической Медеи. Автор, по сути, создает анти-миф, его зеркальное отражение. Медея Л. Улицкой не убивает своих сыновей, но собирает вокруг себя детей и внуков своих многочисленных братьев и сестер. Её доминирующей чертой становится всепрощение и безусловная преданность своей семье. Парадоксальным образом Л. Улицкая в своем мифе о Медее обозначает мотив Христа, выделяя его основополагающие знаковые детали. Заставляет звучать миф о Медее. После смерти родителей на ее руках остаются двенадцать младших братьев и сестер. Библейская аллюзия здесь кажется достаточно прозрачной. Подобно Христу, не имеющему своих детей, бездетная Медея становится защитницей своего человеческого рода. Главная героиня Улицкой живёт по христовым заповедям и знает, что ей отведена особая миссия учительства на земле.

Медея посвящает свою жизнь служению Богу и людям. Ее помощь и защиту ощущают не только члены ее семьи, но и пациенты больницы, в которой она работает всю жизнь. Не случайно, оставаясь бездетной, Медея стоит у истоков рождения. Она помогает плоду выйти «из его внутреннего замкнутого пространства во внешнее разомкнутое пространство» [8, с. 23], по сути, совершить переход между двумя границами, двумя пространствами: из сакрального в профанное. Медея, как «посредник» Бога, встречает новую жизнь. А когда человек умирает, Медея пытается облегчить его уход в мир иной. Она как бы «приоткрывает» «переход из широкого и открытого пространства жизни в узкое и замкнутое пространство смерти, стремящееся к нулю» [8, с. 24].

Все происходящее в мире и в своей судьбе Медея воспринимает как дар Божий, как то, что и должно произойти, как то, что является звеном в большой цепи событий: «Медея не верила в случайность, хотя жизнь ее и была полна многозначительными встречами, странными совпадениями и точно подогнанными неожиданностями. Однажды встреченный человек через многие годы возвращался, чтобы повернуть судьбу, нити тянулись, соединялись, делали петли и образовывали узор, который с годами делался все яснее» [9, с. 11]. Она знала, что все уже решено «выше» и ей надо всего лишь воспринимать это как должное, как непрерываемую родовую, протянувшуюся от прошлого в будущее связь от предков к потомкам. Ей доступны сны-откровения. На кладбище у могилы своих рано ушедших родителей она видит сон, в котором они самим

своим появлением, «легким и торжественным, благодарили ее за то, что она сохранила младших, и как будто освобождали ее от каких-то полномочий, которые она давно и добровольно взяла на себя» [9, с.70].

Особую роль в романе «Медея и её дети», как романе об истории рода, играет его пространственно-временная организация. Сакральным значением наделяется дом Медеи – как место соединения «вертикали и горизонтали мироздания». Дом «становится тем источником, который во многих отношениях определяет структуру всего пространства («сакрального поля»)» [8, с. 32]. Дом бездетной хранительницы древнего рода становится своеобразным аналогом «пупа земли» и связан с мотивом родового места. Пуп земли отмечает самую высокую точку горы, к которой пристал ковчег, спасающий последних людей, которым суждено стать первыми. Стоящий на священной земле дом Медеи становится сакральным центром, вселенной огромной семьи; мирозданием особых людей.

Дом Медеи необходимо рассматривать не только как мифопоэтический центр, где «сходились небо с холмами» (В. Маканин), но и в библейском контексте, как Храм Господень – религиозный и культурный центр. И стоял «Дом Медеи ... в самой верхней части поселка...» [9, с. 15]. Как и свойственно всем храмам, на самом высоком месте в округе. Дом Медеи – это священная земля, храм, который она охраняет. Храм – это место служения Богу, культовое/ сакральное место для выполнения религиозных обрядов. Это место встречи трех миров (ибо имеется контакт с небом, землей, подземным миром и водами). Т. Ровенская отмечает: «Внутренняя жизнь дома Медеи, воспроизводит характер мистериальных практик» [6, с. 134], тем самым сближая дом Медеи с Храмом.

Л. Улицкая подчеркивает сходство дома Медеи с ветхозаветным Храмом, который делится на три части: святая святых, святилище и двор. «Святая святых» – это своеобразное царство небесное. «Святилище» – это место, куда приходят верующие для молитв и обращений к Господу. «Двор» – это место перед «святилищем», где могут находиться неверующие или те, которые еще не прошли обряд крещения. Сам дом Медеи и местность вокруг него напоминает большой храм: кладбище в самом веру, в середине дом Медеи, а внизу колодец. Кладбище, с самым большим крестом на могиле ее мужа Самуила – это своеобразный «купол». Ниже, дом Медеи – это сам храм, где комната Медеи – это «святая святых» – место, где она читает свои утренние молитвы («... бормотала коротенькое утреннее правило из совершенно стершихся молитвенных слов...»), которые «... помогали ей в том, о чем она просила...» [9, с. 66], где обращается к Богу, и куда заходить строго-настрога запрещено. И далее, остальное пространство в доме – это «святилище», где обитают ее родственники (верующие). Под «куполом Медеиногo храма» соединились родственники разных религий и только в этом «храме» они могли все вместе сосуществовать и поклоняться одной религии – «родства». Медея, выходя из своей «святая святых», как бы благословляет и просвещает своих родственников. Здесь установлены строгие правила-ритуалы (все вещи в доме должны быть на строго отведенных ею местах, как в Храме, каждая икона должны висеть в строго определенном месте и никак иначе), обычаи и традиции, которые должен бесприкословно чтить каждый. И, наконец, «двор», где обитают все остальные, кроме семьи Медеи не всегда верующие и даже «бессемейные», «бездуховные».

Дом – хранилище семейных традиций и именно с ним выстраивается самая большая связь человека от рождения и до смерти (в дом приносят в начале жизни, и из дома выносят в конце существования человека). Подобно Церкви, дом в романе Улицкой становится «местом-связкой» «земного семейства», соединяющим всех членов семьи, частью большого вселенского Храма.

Л. Улицкая не случайно выделяет в образе своей героини черты святости, Медее «...было нетрудно встать в воскресенье до света, отмахать двадцать вёрст до Феодосии, отстоять там обедню и вернуться домой к вечеру» [9, с. 8]. У неё были свои молитвы, свои обращения к Господу – «бормotalа коротенькое утреннее правило из совершенно стёршихся молитвенных слов, которые, невзирая на их изношенность, неведомым образом помогали ей в том, о чем она просила: принять новый день, с его трудами, огорчениями, чужими пустыми разговорами и вечерней усталостью, дожить до вечера радостно, ни на кого не гневаясь и не обижаясь» [9, с. 33]. В ежедневном разговоре с Богом она благодарит его за ежедневное чудо жизни, несмотря на все испытания. Слова её молитвы просты и вместе с тем передают её духовную чистоту: «Господи, благодарю тебя за все благодеяния твои, за все посылаемое тобою, и дай мне все вместить, ничего не отвергая...» [9, с. 18].

Ключевым моментом романа о новой христианской Медее становится история измены её мужа Самуила с её сестрой Сандрочкой: «Мужем была оскорблена, сестрой предана, поругана даже самой судьбой, лишившей её детей, а того, мужниного, ей предназначенного ребёнка, вложившей в сестринское весёлое и лёгкое тело» [9, с. 43]. И если колхидская царевна из языческого мифа не может простить измены Ясона и убивает рождённых от него детей и свою соперницу, то Медея Синопли, подобно Иисусу, находит в себе силы и через душевные мучения прощает предательство своих самых близких людей – мужа и своей сестры.

В Медее Л. Улицкой нет мстительной агрессивности её давней предшественницы, как нет и её завораживающей сексуальности. Муж Самуил готов молиться на жену, не требуя от неё никакой взаимной страсти» [6, с. 140]. С Медеей он перестаёт бояться. «Когда вы взяли меня за руку, Медея Георгиевна... нет, простите, это я вас взял за руку, я почувствовал, что рядом с вами нет страха. И весь вечер я ничего к вам не испытывал, только чувствовал, что рядом с вами нет страха» [9, с. 54]. И только в конце своей жизни Самуил понял и понастоящему оценил праведность Медее. Она вселила в него духовность. Накануне смерти он читает древние еврейские книги, и ему многое становится понятным впервые в жизни, только перед смертью открываются для него врата Бытия и познания: «Исследуя теперь древнее еврейское законодательство, он приходил к мысли о глубочайшем беззаконии, в котором жили люди его страны и он сам среди них. Собственно, это был всеобщий закон беззакония, хуже Ханаанского, которому одновременно подчинялась и невинность, и дерзость, и ум, и глупость». И единственным человеком, как он теперь догадывался, действительно живущим по какому-то своему закону, была его жена Медея. То тихое упрямство, с которым она растила детей, трудилась, молилась, соблюдала свои посты, оказалось не особенностью её странного характера, а добровольно взятым на себя обязательством, исполнением давно отменённого всеми и повсюду закона» [9, с. 149].

Пространственно-временная организация романа «Медее и ее дети» подчёркнуто символична. Здесь обозначена возможность взаимопересечения, взаимопроникновения сакрального и профанного пространств. В сакральном пространстве – духовность, семейное наследие, Медея. В профанном пространстве свершаются судьбы второстепенных героев. Эти два пространства органично вплетены друг в друга. Мир, в котором живет семья главной героини, – это топос профанного пространства, мир, отгороженный от нее. Пространство, в котором находится Медея, – топос сакрального пространства, мир медиатор. Именно здесь происходит демифологизация образа архаической Медее. Медея Синопли превращается в анти-Медеею и наделяется христоподобными чертами. Пространство Вечности, в котором пребывает Медея, – это место сплетения, соединения всех религий – православия, иудаизма, католичества.

Современность оказывается тесно связанной со своими мифологическими корнями, история рода Медеи становится неким обобщённым представлением истории человеческого рода, извечной историей любви, предательства, прощения, милосердия. Л. Улицкая выстраивает свой роман, соединяя отдельные звенья, маркированные как узнаваемые исторические метки, в своеобразную «цепь перерождения» – от язычески неистовой Медеи-детоубийцы к Медее-христианке, всепрощающей милосердной хранительнице не только своего рода, но и всех слабых и часто грешных детей божьего мира.

Библиографические ссылки

1. Гаврилова А. С. Колодец как источник новой жизни. К реконструкции элементов славянской мифологии / А. С. Гаврилова // матер. III Международ. научно-практ. конф. «Традиционная культура славян в XXI веке». – Минск : ЗАО «Белхардгрупп», 2010. – С. 12–16.
2. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950 – 90-е годы : в 2-х т. / Н.Л. Лейдерман, М. И. Липовецкий. – Т. 2. – М., 2003. – С. 530.
3. Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm>
4. Перевалова С. В. Миф и реальность в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» / С. В. Перевалова // Фольклор: традиции и современность : сб. науч. тр. / под ред. М. Ч. Ларионовой. – Таганрог, 2003. – С. 181–186.
5. Прохорова Т. Г. Особенности проявления мифологического сознания в художественной структуре романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» / Т. Г. Прохорова // Русский роман XX века : сб. науч. тр. – Саратов, 2001. – С. 288–292.
6. Ровенская Т. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» и повесть Л. Петрушевской «Маленькая Грозная»: опыт нового женского мифотворчества / Т. Ровенская // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М., 2001. – № 2. – С. 137–163.
7. Тимина С. Ритмы вечности. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» / С. Тимина // Русская литература XX века в зеркале критики. – СПб., 2003. – С. 537–549.
8. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
9. Улицкая Л. Медея и её дети / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2002. – 256 с.

Надійшла до редколегії 16.03.2015 р.

УДК 861.161.1

А. В. Левченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«ПЕРЕВОД КАК СМИРЕНИЕ»: ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ ГРИГОРИЯ ДАШЕВСКОГО

Пропонована публікація є розширеним варіантом доповіді, яка була представлена на конференції «Класика та сучасність: дискурс діалогу». Йдеться про спробу вирізнення того нового способу діалогу сучасності та минулого, який, гадаємо, намітився в сучасній культурі; способу, відмінного й від поважного ставлення до традицій за «класичної» доби, і від неповажного переписування та руйнування традицій за доби постмодернізму, і від об'єктивної позитивістської позиції наукового роз'яснення-перекладу традиції минулого мовою сучасності. Видається, що твор-

© А. В. Левченко, 2015